

РѢЧЬ,

сказанная проф. А. А. Дмитріевскимъ предъ началомъ отпѣванія въ Бозѣ почившаго архимандрита Антонія.

У гроба смиреннѣйшаго и скромнѣйшаго инока, благоговѣннѣйшаго и благолѣпнѣйшаго священнослужителя и чловека рѣдкой доброты сердца мы являемся, чтобы отъ лица всей нашей семьи—дѣлателей въ семь духовномъ вертоградѣ—въ краткомъ словѣ выразить волнующія насъ чувства сожалѣнія о дорогой уtratѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ принести посильную дань сыновней искренней признательности за тѣ высоконазидательные уроки житейской и истиннохристіанской мудрости, какими поучалъ насъ нашъ незабвенный отецъ духовный, почившій въ Бозѣ священно-архимандритъ Антоній.

Много смѣнилось на глазахъ о. архимандрита Антонія поколѣній, трудившихся въ нашей школѣ на пользу богословской науки и духовнаго просвѣщенія вообще. Юношами, полными силъ и самыхъ свѣтлыхъ упованій, вступали многіе подъ сѣнь святой Братской обители, служившей отлѣтъ лрвнихъ благодатнымъ покровомъ и для нашей Академіи: здѣсь созрѣвали они въ мѣру возраста, исполняясь всякой премудрости и служа святой Церкви и отечеству, и отсюда, напутствованные трогательными и умилительными пѣснопѣніями Церкви, многіе уже ушли въ путь *всѣя земли*.

И юноши, и зрѣлые мужи, и старцы, убѣленные почитенною сѣдиною, всѣ служившіе и служащіе доселѣ въ нашей Академіи, не могли не испытать на себѣ неотразимаго обаянія высоко-симпатичной личности почившаго отца духовника архимандрита Антонія. Исполненіе христіанскаго долга въ дни святой четьредесятницы, тайныя бесѣды на исповѣди съ о. духовникомъ, въ которыхъ въ равной мѣрѣ обнаруживались и широкій жизненный практическій опытъ, и нѣжная душа, исполненная безграничной, всепрощающей отеческой любви, и невыразимой на словахъ, но полной трогательности и проникающей до самыхъ чувствительныхъ струнъ сердца нѣжной грусти и глубокаго сожалѣнія по поводу гнетущаго искренно-кающагося человѣка сомнѣнія или грѣха, производили на всѣхъ его духовныхъ чадъ неизгладимый глубокий слѣдъ въ душѣ и устанавливали почти навсегда живую родственную связь послѣднихъ со своимъ духовникомъ. Многія духовныя дѣти почившаго, по выходѣ изъ нашего учебнаго заведенія, но остававшіяся на службѣ въ Кіевѣ, не ждали мѣнять духовника и, какъ мы знаемъ, ежегодно являлись къ нему, чтобы насладиться умиротворяющею назидательною бесѣдою съ нимъ на духу.

И нужно сознаться, что сила нравственнаго обаянія и благотворнаго воздѣйствія на своихъ духовныхъ чадъ почившаго нашего отца духовнаго заключалась не въ красно-рѣчивыхъ бесѣдахъ и убѣдительныхъ доводахъ (почившій о. архимандритъ не былъ искуснымъ и сильнымъ въ словѣ и даже не могъ считаться словоохотливымъ человѣкомъ), а въ непосредственномъ, такъ сказать, вліяніи всей своей высокосимпатичной свѣтлой личности, какъ назидательный, достойный подражанія и полного и глубокаго уваженія рѣдкій примѣръ и образецъ жизни и дѣятельности.

Сынъ славной Братской обители отъ молодыхъ ногтей (среди насъ, благодареніе Богу, есть еще и живые свидѣтели его первыхъ шаговъ на иноческомъ поприщѣ), воспи-

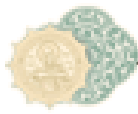

танный въ суровой школѣ иноческихъ подвиговъ на разнообразныхъ послушаніяхъ родного монастыря подъ неизгладимымъ вліяніемъ и обаяніемъ приснопамятныхъ, извѣстнѣйшихъ въ исторіи отечественной церкви и русской богословской науки (напр., Димитрія, архіеп. Херсонскаго, Антонія, архіепископа казанскаго ¹⁾), Филарета, еп. рижскаго, Михаила, еп. курскаго, Сильвестра, еп. каневского) настоятелей его, почившій о. архимандритъ Антоній на протяжении длиннаго ряда лѣтъ оставался въ обители живымъ непосредственнымъ хранителемъ лучшихъ традицій ея и тѣсно связанной съ нею въ своей жизни нашей Академіи.

О. архимандритъ Антоній былъ вѣрный и преданный стражъ своей обители славной. Всѣ событія, происходившія въ ней, онъ весьма близко принималъ къ сердцу. Приведеніе соборнаго храма въ нынѣшній внутренній благолѣпный видъ было дѣломъ его неусыпныхъ заботъ, горячихъ попеченій и весьма зоркой бдительности, простиравшейся до того, что онъ отказывалъ себѣ въ необходимомъ отдыхѣ. Дерзкое святотатство въ обители, направленное къ похищенію драгоценностей съ чудотворной чтимой Братской иконы, повергло его въ глубокое чувство неутѣшной скорби и вызвало неподдѣльные горькія слезы объ оскорбленіи святыни и объ утратѣ драгоценностей. Однимъ словомъ, почившій о. Антоній радости и горе дорогой ему родной обители считалъ близкими себѣ, своими собственными и переживалъ ихъ живо и впечатлительно.

Какъ намѣстникъ обители, онъ былъ всегда покорнымъ и точнымъ исполнителемъ и истолкователемъ плановъ, на-

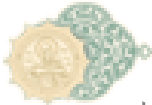
¹⁾ У архіепископа Антонія, въ бытность его ректоромъ Киевской духовной Академіи и настоятелемъ Братскаго монастыря, покойный о. архим. Антоній былъ келейникомъ. При постриженіи въ иночество онъ я принялъ имя своего чтимаго настоятеля.

мѣреній и велѣній своихъ, довольно длиннымъ рядомъ прошедшихъ предъ нимъ, настоятелей самыхъ разнообразныхъ характеровъ и воззрѣній. Даже распоряженія, почему-нибудь по его мнѣнію не обѣщавшія обители пользы или благихъ результатовъ, иногда не встрѣчали съ его стороны настоячивыхъ возраженій, и это вовсе не потому, чтобы адѣсь сказалась его слабохарактерность (какъ иногда объясняли нѣкоторые изъ подчиненныхъ ему недовольныхъ братій), или его угодливость начальству (чего не было въ его характерѣ никогда), но потому, что воспитанныя съ молодыхъ лѣтъ въ немъ иноческая покорность и безпрекословное повиновеніе волѣ настоятеля дѣлали его въ этихъ случаяхъ безмолвнымъ. Это съ одной стороны. Съ другой, въ немъ всегда жила глубокая вѣра, что все, что исходитъ отъ воли настоятеля за молитвы Небесной Покровительницы обители, въ концѣ концовъ будетъ обращено на пользу дорогой ему обители.

Знатокъ глубокой церковнаго Устава и ревностный его исполнитель, о. архимандритъ Антоній и отъ подчиненной ему братіи требовалъ того же самаго. Огступленій отъ Устава, замѣшательствъ въ стройномъ теченіи богослуженія, неаккуратности и излишней суетливости онъ не выносилъ, и замѣченные имъ недостатки вызывали съ его стороны прещенія и укоризны въ отеческомъ тонѣ. Самъ почившій въ своей стройной благолѣпной фигурѣ являлся предъ молящимися образцомъ религіозной высокой настроенности и производилъ благородными движеніями и благозвучнымъ голосомъ глубокое впечатлѣніе на нихъ. Это былъ благоговѣйный совершитель церковнаго богослуженія и рѣдкій чтецъ слова Божія и церковныхъ молитвъ.

Иноческіе подвиги почившаго о. архимандрита Антонія были сокрыты отъ взоровъ нашихъ, но его суровые подвиги воздержанія въ дни святой четырехдесятницы и особенно страстной седмицы не могли ускользнуть отъ богомольцевъ,

посѣщавшихъ нерѣдко обитель нашу. Многіе изъ насъ были свидѣтелями, съ какими неимовѣрными усиліями, доходившими иногда до полнаго изнеможенія, почившій обыкновенно дослуживалъ послѣднія дни страстной седмицы и встрѣчалъ съ нами свѣтлый Христовъ праздникъ.

Вотъ всѣми этими-то высокими качествами души и сердца, а также рѣдкою добросовѣстностію исполненія своего прямого долга иноческаго и служебнаго онъ и производилъ на всѣхъ знавшихъ о. архимандрита и особенно его духовныхъ чадъ неотразимое глубокое впечатлѣніе.

Всѣ мы, его духовныя чада, горячо и искренно любили и глубоко уважали о. архимандрита Антонія. На всѣхъ нашихъ скромныхъ братскихъ торжествахъ о. архимандритъ Антоній былъ дорогимъ желаннымъ гостемъ. Всѣ мы, какъ любящіе дѣти, искренно радовались его всякому служебному успѣху, а день, когда благолѣпная его старческая глава была украшена архимандричьею митрою—почесть, о которой едва-ли почившій мечталъ когда-либо и въ тайнѣ,—былъ праздникомъ для всей нашей академической семьи.

И почившій платилъ намъ взаимностью: онъ читалъ всѣхъ дѣятелей на пользу богословской науки и оказывалъ знаки любви и должнаго вниманія и уваженія не только старѣйшимъ и заслуженнѣйшимъ изъ насъ, но даже юнымъ, начинающимъ лишь свое академическое служеніе.

Любы, по Апостолу, николиже отпадеагъ (1 Кор. XIII, 8). Воздавая должную дань почившему своему отцу духовному и провожая его къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія, мы нравственно обязаны сохранить къ нему свою любовь и по разлученіи съ нимъ, начертавъ глубоко на скрижаляхъ нашего сердца незабвенное имя о. архимандрита Антонія. Это сдѣлать намъ необходимо особенно потому, что если на пути въ горнія селенія его чистая душа и встрѣтитъ какія-либо пренюны, то это безспорно будутъ только наши тяжкіе грѣ-

хи, такъ великодушно, такъ любовно и такъ смиренно имъ принятые на себя здѣсь на землѣ. Будемъ же горячо молить милосердаго Отца небеснаго да упокоитъ Онъ о. духовнаго архимандрита Антонія въ селеніяхъ небесныхъ съ праведными и изгладитъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ книги живота его грѣхи—наши грѣхи—преграду и для него и для насъ къ вѣчному блаженству.